

К.-О. Майвальд

СЕКВЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В НЕМЕЦКОЙ СОЦИОЛОГИИ: КОМПЕТЕНЦИЯ И ПРАКТИКА¹

Сегодня большинство немецких социальных исследований, опирающихся на качественную методологию, используют секвенциальный анализ. В статье рассматриваются сходства и различия в подходах к концептуальному осмыслению и практическому использованию этого метода. Прежде всего, эксплицируется некий рабочий консенсус, рассматриваемый как совокупность общепризнанных методологических предположений. Далее, для выявления точек расхождения с этим рабочим консенсусом, исследуются различия в подходах к секвенциальному анализу с позиций трех основных парадигм в современной немецкой социологии – конверсационного анализа, объективной герменевтики и герменевтической социологии знания. Доказывается, что различия возникают из различия перспектив и, соответственно, из разных способов введения в интерпретацию конкретного «кейса» общего знания, носящего, применительно к анализируемым случаям, неспецифический характер. Важным понятием, возникающим в ходе проводимого сопоставления, является различие между компетенцией и практикой.

Ключевые слова: секвенциальный анализ, случай, конверсационный анализ, объективная герменевтика, герменевтическая социология знания.

Кай-Олаф Майвальд - профессор Университета Оснабрюка (Германия), научный сотрудник Института социальных исследований (Франкфурт, Германия).

¹ *Maiwald K.-O.* Competence and Praxis: Sequential Analysis in German Sociology // Forum: Qualitative Social Research. 2005. Vol. 6. No. 3. Art. 31 [on-line]. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/viewArticle/21/45>. (*Перевод – А. Биккуловой.*)

1. Введение

В Германии, несмотря на неоднородность качественных методологий, которая до сих пор преобладает в социологических исследованиях, в последние годы можно было наблюдать становление некоторой общей почвы в области анализа данных. Сейчас считается общепринятым, что при интерпретации первичных данных (например, транскриптов взаимодействия) большинство современных методологий используют «секвенциальный анализ» (анализ последовательности, *sequential analysis*) [1, S. 147; 2, S. 24]. Действительно, многим исследователям в наши дни кажется вполне естественным потратить достаточно много времени и сил для анализа довольно небольших фрагментов текста, прослеживая при этом последовательную организацию демонстрируемых в них социальных практик. Более того, опыт работы в исследовательских группах, на конференциях и рабочих семинарах свидетельствует, что наблюдается высокая степень согласия в ответе на вопрос: как именно следует интерпретировать данные, а также разрабатывать или критиковать гипотезы, основанные на этой интерпретации. Общий рабочий консенсус объединяет придерживающихся различных методологий исследователей. Но в то же время практический опыт демонстрирует, что выход исследователей за пределы точек соприкосновения приводит к нарушению коммуникации между ними.

Несмотря на то что секвенциальный анализ рассматривается как методический прием, общий для большинства методологий, никаких попыток установить существующие между ними сходства и различия до настоящего момента не наблюдалось. Сравнение методологий в основном ограничивалось теоретическим уровнем. Остается открытым вопрос о влиянии различий в методологиях на практику исследования и особенно – на практику секвенциального анализа. Этому вопросу я хотел бы уделить здесь основное внимание. Я попытаюсь сначала дать описание общих исходных положений (эксплицитных или имплицитных) разных видов

секвенциального анализа. Далее, предложив набросок несложной концептуальной системы, я попробую выявить различия в исследовательских практиках для того, чтобы выяснить – откуда именно начинаются расхождения с общими исходными положениями. Затем будут рассмотрены три основных парадигмы, удовлетворяющие описанным ранее критериям: конверсационный анализ, объективная герменевтика и герменевтическая социология знания. Я попытаюсь доказать, что описываемые ниже различия исследовательских практик возникают из различия точек зрения на рассматриваемые социальные явления и, соответственно, из разных способов введения в интерпретацию конкретного «кейса» общего, а вовсе не специфического для анализируемых случаев знания. Наконец, в процессе сопоставления мною будет поднят и рассмотрен главный вопрос, связанный с различием понятий «компетенция» и «практика».

2. Общие положения

Для многих немецких социологов важной составляющей работы стало тщательное изучение детализированных транскриптов взаимодействия или интервью, с прослеживанием выявляемого в этих текстах направления взаимодействия. Однако они не просто, так сказать, «потихоньку» обрабатывают эти данные, чтобы затем выработать гипотезы, которые необходимо затем проверить «в реальности», т.е. при помощи количественных методов, но в основном строят свою работу на таких количественных данных и их анализе. Более того, социологи не всегда ограничиваются вниманием к проблемам, которые традиционно принято относить к явлениям микросоциологии, но и затрагивают мезо- и макроуровни социологического исследования. Здесь они разделяют подход, согласно которому подобный микросоциологический анализ может привести к пониманию сути явлений общесоциологической значимости. Разумеется, данный подход разделяют не все со-

циологи, работающие с качественными методами. Некоторым из них такие стремления кажутся сбивающими с толку и иногда забавными. Отсюда возникает вопрос об общих положениях такого подхода. Я рассматриваю общие положения как набор разделяемых исследователями исходных посылок и регулятивных максим, которые обладают в конечном счете признанным «номиналом» в дискуссиях (т.е. вы можете сослаться на них, и ваш аргумент будет принят). Не претендуя на полноту, я попытаюсь выделить некоторые наиболее важные из этих предпосылок и максим.

- На максимально обобщенном уровне секвенциональный анализ подразумевает, что локус социальных структур заключается во взаимодействии. Под этим имеется в виду, что именно в ходе взаимодействия социальные структуры формируются и воспроизводятся или изменяются. Социальные структуры здесь в принципе не воспринимаются как неидентифицируемые силы, которые обуславливают закономерности, наблюдаемые при анализе «достоверных» статистических данных. Скорее, для того чтобы социальные структуры оказывали влияние на социальную жизнь, они должны быть идентифицированы на уровне процессов взаимодействия, для получения же адекватного представления о них следует реконструировать их роль в этих процессах. Так, с этой точки зрения «достоверные данные» оказываются не статистическими, а данными «взаимодействия».
- Кроме того, социальные структуры понимают главным образом как смысловые структуры. Это означает, что социологи должны прежде всего серьезно заниматься проблемой понимания в процессе взаимодействия и в силу этого – интерпретацией со стороны самих исследователей.
- Данные смысловые структуры представляются как возникающие во взаимосвязи речевых действий. Социологическое исследование должно учитывать этот момент и стать «реконструкцией» (этот термин широко используется в не-

мецкой качественной методологии). Задача состоит в том, чтобы «реконструировать» смысловые структуры исходя из последовательного (секвенционального) направления взаимодействий.

Перечисленные выше положения обуславливают специфику микросоциологического подхода.

- В первую очередь следует уделять внимание анализу отдельных случаев – конкретных интеракций конкретных акторов, прежде чем приступать к процедурам сравнения и генерализации.
- Это приводит к необходимости тщательного и скрупулезного анализа взаимодействий, так как смысловые структуры обычно трудно выявить поверхностным разбором.
- Материал для такого анализа – транскрипты взаимодействий, или «тексты».
- Более того, предпочтительнее использовать «естественные данные», т.е. записи, дающие возможность методологического контроля фактических процессов взаимодействия. Предпочтительны данные, в процессе получения которых селективное влияние исследователя сведено к минимуму, как, например, в случае детализированных транскриптов аудио- и видеозаписей. Интересны также данные, которые можно назвать собственно результатами социальной практики (фотографии в семейном альбоме, писанные законы или автобиографии).

Вероятно, регулятивные максимы даже более значимы, чем приведенные выше общие положения и ориентиры¹. Именно по ссылкам на такие максимы можно решить, относится ли некая методическая процедура к секвенциональному анализу или нет.

¹ Регулятивные максимы являются не просто выражением подхода или теоретической ориентации, но функционируют в качестве основных принципов, например, в выборе между конкурирующими объяснениями.

- Первая максима – смысловые структуры следует выявлять по ходу движения реального процесса взаимодействия, – означает, что нужно не просто следить *line-by-line* (пользуясь известным выражением обоснованной теории), т.е. следовать только за временной структурой взаимодействия, но и отмечать, каким образом речевые действия и ответные реакции избирательно связаны друг с другом.
- При помощи этой процедуры можно прийти к кумулятивному развитию гипотезы на уровне структуры взаимодействия.
- Для того чтобы окончательно решить задачу, данные нельзя обрабатывать заранее (т.е. классифицировать, перефразировать и т.п.) на этом этапе.
- Далее следует такая максима: интерпретация должна быть в большой степени имманентной.

Сформулированные ниже максимы связаны с предыдущей:

- первая: собираемые данные не должны подпадать под какую-либо заранее выдвинутую теорию о процессах взаимодействия;
- вторая: упор на «искусственную наивность» [3, S. 126], или «искусственное непонимание» [4, S. 27], означает, что знание контекста взаимодействия, по крайней мере на начальных этапах интерпретации, не должно включаться в интерпретацию;
- третья: все последующие последовательности анализируемого взаимодействия не должны интерпретироваться в связи с его предыдущими последовательностями;
- последняя: все без исключения данные должны признаваться релевантными и значащими.

Если принять во внимание приведенные выше посылки и регулятивные максимы секвенциального анализа, то становится очевидной перспективность этого метода для качественной методологии: он позволяет разработать обоснованную, кумулятивную

и открытую для проверки любым исследователем гипотезу о социальных структурах. Возможно, благодаря именно этой перспективности метод секвенционального анализа становится все более популярным в качественных немецких исследованиях.

3. Что такое «случай»?

Для того чтобы перейти к сопоставлению, бесполезно будет очертить концептуальную рамку основных понятий. Как было упомянуто ранее, важным аспектом общих положений является то, что мы имеем дело с анализом случаев. Не только секвенциональный анализ – или качественная социология – имеет дело со случаями. На самом деле анализ случаев – это характеристика, присущая социальным наукам вообще, и, более того – сферам науки, где важна клиническая диагностика и анализ, – медицине и юриспруденции.

Именно из-за общей значимости понятия «случай» становится возможным осветить некоторые его формальные аспекты для того, чтобы позже можно было сравнить конкретные методологические парадигмы между собой. Наши исключительно эвристические намерения позволяют нам не касаться здесь дискуссий в соответствующей литературе и закончить вступительную часть, предложив свое определение¹. О «случае» мы будем говорить тогда, когда мы станем иметь дело с отношением между тремя элементами – «актором», «текстом» и «теорией».

В методологическом дискурсе первому из этих элементов обычно отводится центральное место, поскольку некоторые исследователи идентифицируют понятие «актор» с собственно

¹ Необходимо отметить, что публикации по проблеме понятия «случай» встречаются редко (ср.: [5; 6, S. 180]). В немецкой методологической литературе на первое место обычно ставятся вопросы «реконструкции случая» [7]. В этом контексте «случай» рассматривается как нечто само собой разумеющееся.

понятием «случай»: для них «случай» равнозначен человеку. Это не совсем точно. Во-первых, при работе с концептом следует использовать генерализацию – так, не только актер-индивид, но и коллективный актер (организации или национальные государства), а также взаимодействия (например, столкновения) могут включаться в понятие «случай». Во-вторых, нельзя приравнивать самого актора к случаю. В этом смысле поучительны некоторые предложения, описывающие случаи, при прочтении которых вы испытываете раздражение, например: «в возрасте 25 лет случай женился на дочери моряка» или «в возрасте от 19 до 24 лет случай изучал юриспруденцию в известной юридической школе». Ведь, конечно, случаи не женятся, учатся, едят или спят; так говорят только о людях, а люди как таковые не считаются «случаями», даже в медицине. Поэтому, прежде чем рассматривать случаи, следует сказать и об этом.

В центре внимания – не актер как таковой, а, если говорить обобщенно, социальные практики этого актора. Для того чтобы провести методологически контролируруемую интерпретацию этих практик, нам нужны «данные», т.е. что-то, что может рассматриваться как объективизация этих практик. Вот здесь появляется второй элемент – «текст». В этом смысле «текст» – это не только письменная фиксация языка в форме транскриптов аудиозаписей взаимодействий или «воспроизведенный» текст действующих законов или автобиографий, но также и видеозаписи, фотографии в семейном альбоме или такие артефакты, как, например, рисунки, здания, технические приборы. Короче говоря, в понятие «текст» включается всё, что может рассматриваться как результат некоей социальной практики. Так же как и в случае с элементом «актер», некоторые исследователи рассматривают «текст» как характерный признак понятия «случай», заявляя, что случай и есть текст. Но, за исключением неструктуралистской методологии, текст сам по себе не столь интересен. Интерес представляет его взаимосвязь с фиксированной в нем некоей практикой актора.

Мы все же упускаем еще кое-что, рассматривая понятие «случай». Нас интересует не только уникальность практик актора, представленная в текстах, но и нечто более общее – то, что объединяет оба элемента. Действительно, чтобы определить уникальность случая, нам нужно некоторое обобщение. В конце концов, случай должен быть, скажем, «случаем X », и этот « X » можно назвать «теорией». Термин «теория» опять же может быть определен довольно широко: утверждение о некоей общей взаимосвязи, как, например, между концептами, типами или теориями (предварительными или законченными), и – на уровне объекта – между социальными правилами и относящимися к ним структурами. Задача исследователей-социологов состоит в том, чтобы обнаружить эту связь между актором, текстом и теорией для каждого возможного случая, убедиться, что связь действительно можно вывести из данного конкретного текста (или ряда текстов) и что практика данного конкретного актора является случаем данной конкретной теории. Усложняет задачу то обстоятельство, что (в то время как исследователь занят построением «обоснованной» или «материальной» теории, поскольку здесь задействованы названные выше методологические парадигмы) отношения между тремя элементами остаются динамичными. Исследователь в качестве отправной точки всегда имеет более или менее смутное представление о том, чем может оказаться « X », но в результате анализа случая он ожидает получить более определенное представление. Иными словами, наша задача в процессе интерпретации состоит в том, чтобы зафиксированные практики актора оказали большую помощь в переформулировании концепций, которым эти практики соответствуют.

4. Три типа секвенциального анализа

Ниже мы рассмотрим, как секвенциальный анализ используется в разговорном анализе, объективной герменевтике и герменевтической социологии знания и как эти различные методо-

логические процедуры соотносятся с разными методологическими положениями. Наше изложение не претендует на роль введения к этим парадигмам социологического знания. Наша цель – дать общий обзор основных сходств и различий этих парадигм. Примеры анализа случаев помогут их проиллюстрировать. В свою очередь, функция этих примеров не в том, чтобы кратко изложить детализированные интерпретации, которые они иллюстрируют, а в том, чтобы выявить основные характеристики этих интерпретаций.

4.1 Конверсационный анализ

Уместно будет начать с конверсационного анализа (КА), поскольку это, вероятно, самая «интернациональная» (и в силу этого наиболее известная) из всех рассматриваемых нами парадигм, а также потому, что в рамках именно данной парадигмы впервые были представлены некоторые из максим и исходных посылок, которые стали теперь общими положениями секвенциального анализа¹.

Известные работы, посвященные конверсационному анализу, Харви Сакса, Эммануила Щеглофф и их последователей, например, об открывающих и завершающих разговор репликах, процедурах обмена репликами, показали, что повседневная коммуникация есть ежеминутно выстраиваемая структура, где акторы используют и модифицируют правила по случаю; правила, о которых сами акторы часто не имеют ни малейшего понятия, хотя и пользуются ими. Таким образом, сторонники КА разрабатывали и делали доступнее в методологическом плане идею о секвенциальном порядке, который означал, что каждая реплика во взаимодействии предполагает выбор между возможными альтернативами и в то же время сама открывает возможность выбора для последующих ожидаемых реакций. Так, социальная структура возникает из «связывания вместе» последовательных ходов-обменов репликами

¹ По этой причине я ссылаюсь не только на немецкоязычных авторов.

в процессе взаимодействия. Более того, сегодня становится ясно, что смысл каждого хода-реплики определяется его позицией в пределах последовательности.

Первоначально КА применялся главным образом для исследования того, как «работает» повседневная коммуникация. В рамках КА рассматривались общие и формальные структуры коммуникации и принципы, на которые ориентируются акторы. Об элементах случая можно сказать, что внимание здесь было сосредоточено на «X», или «теории», понимаемой как неспецифическая для данного случая модель коммуникации, генерируемая участниками в процессе разговора. Сравнительно мало внимания уделялось конкретным взаимодействующим индивидам, специфическому тематическому контексту разговора и уникальным отношениям акторов между собой. Демонстрируемая при работе с данными практика ограничивалась исследованием основных коммуникативных проблем путем использования коммуникативных компетенций, имеющихся у акторов как членов общества или окружающей среды. Таким образом, отдельный случай в этом контексте с самого начала рассматривался как образцовый для общей взаимосвязи. Тем не менее, в КА признается проблема объяснения отдельного случая, репрезентирующего общую модель или «отклоняющегося» от общей модели. Важность анализа «отклоняющихся» случаев можно заметить и в данном контексте.

Однако же главная задача КА – продемонстрировать, как процессы, с помощью которых акторы делают своё взаимодействие упорядоченным и доступным для понимания, относятся к явлениям коммуникативной компетенции. Но конверсационный анализ не ограничивается только подобными базовыми проблемами повседневной коммуникации. В немецкой социологии последние годы много внимания уделяется более, так сказать, «социологическим» субъектам. Упомянем две основные области исследований: в первой основной акцент сделан на анализе так называемых коммуникативных жанров, таких как шутка, проповедь, сплетни

[8, S. 35; 9, S. 538]. В этом случае эти жанры могут служить для решения коммуникативных проблем на общественном уровне, например члены общества обеспечиваются коммуникативными формами реконструкции социальных событий. Вторая область исследований – это коммуникация в общественных институтах, особенно в суде, в общем там, где есть необходимость управлять разными формами конфликтов [10; 11]. Расширение поля исследования произошло и в работе с данными. Стали интересны не только записи и транскрипты «естественных» взаимодействий [12], т.е. технические записи взаимодействий, прошедших без влияния наблюдателя, но также и «произведенные» тексты, такие как досье или экспертные мнения. К тому же, по крайней мере некоторые, исследователи подвергают анализу даже интервью определенных типов [13; 14].

Следует отметить, что рассмотрение специфических проблем действия, связанных со специфическим контекстом, который имеет отношение к чему-то большему, чем проблемы ежедневной коммуникации, не ведет к сужению перспективы рассмотрения случая. Задача по-прежнему состоит в реконструкции общих моделей коммуникации или компетенции. Цель КА – реконструировать действия профессионалов, в которых выражается их компетенция в определенных институтах.

Но включение в рассмотрение специфических практических проблем оказывает влияние и на сам метод. Если эти практические проблемы в общественных институтах понимаются как «исходно задающие» взаимодействие, то секвенциальный анализ не может оставаться «свободным от контекста». Несмотря на то что исследователи, занимающиеся КА, справедливо настаивают на том, что значимость контекста должна определяться на уровне взаимодействия, однако, насколько мне известно, они не утверждают, что разработали концепцию важных практических проблем только с помощью имманентного анализа. В таком случае возникают вопросы: каким другим способом, методологически про-

веряемым, вы приходите к своим заключениям и как вы вводите этот способ в секвенциальный анализ? В КА на эти вопросы пока ответов не найдено. В эмпирических исследованиях наметилась, по-видимому, тенденция к некоторому «осторожному» введению предпосылок, позволяющих ответить на поставленные вопросы с помощью, например, очерчивания исторического развития институциональных условий, либо с помощью обращения к требованиям права. Но эта осторожность приводит к следствию, которое едва ли можно увязать с концептами в подробном анализе взаимодействий. Конкретные действия не могут рассматриваться как один из возможных способов, позволяющих справиться с требованиями конкретного институционального образования, но имеют тенденцию сами по себе служить выражением способа поведения акторов, например, членов определенной профессии. Вторая методологическая проблема возникает из-за отсутствия генерализации. С подобной осторожностью вы в каком-то смысле «застреваете» в настоящем институциональном устройстве. Эти учреждения сами по себе не могут рассматриваться как единственно возможный способ решения практических проблем.

В чем заключаются на сегодняшний день основные черты процедуры секвенциального анализа? Каким образом с помощью КА методологически могут быть выведены основные модели коммуникации? В литературе о КА не часто встречаются методологические рассуждения и, более того, в них наблюдаются расхождения по некоторым проблемам, поэтому дать ответы на поставленные выше вопросы затруднительно, по крайней мере неспециалистам. На мой взгляд, ключевым моментом для прояснения того, как в КА проводится секвенциальный анализ, может стать понимание, что прежде всего проводится анализ последовательностей. Это не тавтология. «Секвенция» (последовательность) здесь – это нечто большее, чем просто элемент в цепочке речевых действий и реакций, большее, чем часть транскрипта, ранжированного от первой до последней строки. Секвенция относится скорее к сег-

менту, который содержит в себе (если позволите употребить немецкий термин) *Gestalt*. Секвенция здесь – значимая, относительно «изолированная» единица взаимодействия. Ею может оказаться, к примеру, вступление, введение, вопрос-ответ или даже выслушивание показаний свидетелей в суде. Таким образом, располагая определенным набором данных, первое, что необходимо сделать, это идентифицировать подобного рода секвенции, важные с точки зрения проводимого исследования [15, р. 102].

Как только секвенции идентифицированы, следующим шагом в КА становится работа с материалом по «циклам» [15, р. 104]. В этих идущих друг за другом «циклах» последовательно, шаг за шагом анализируются различные аспекты начиная от чисто лингвистических описаний, описания порядка обмена репликами, восстановления пропущенного, организации начала/конца секвенции и переходя к более «контекстуальным» аспектам [16]. Самое важное – прийти к реконструкции того, что называется «внутренний контекст» секвенции. Это происходит в три этапа. Первый этап: реконструируется избирательность каждого высказывания (реплики) с помощью следующих вопросов: как эта реплика связана с предыдущими? Что подразумевается под этой репликой? Какие из возможных вариантов не были выбраны? Второй этап: реконструируются будущие ожидания, связанные с высказыванием, т.е. пространство, открываемое высказыванием. Вопрос здесь следующий: какие возможности выбора есть у говорящего и слушающего: продолжать говорить или реагировать на сказанное? Третий этап: реконструировать последствия взаимодействия, т.е. тот избранный способ, которым слушающий реагирует на высказывание. С помощью этих последовательных процедур и операций КА реконструирует порядок взаимосвязи реплик, т.е. то, что служит характеристикой исследуемых коммуникативных моделей.

Способ, который используется при прохождении «циклов», зависит от данных и исследования. Но, на мой взгляд, во всех способах работы с КА есть нечто, их объединяющее, весьма важ-

ное в нашем сопоставительном изложении. То, о чем я говорю, это определенная тенденция концентрировать больше внимания на общей структуре модели, а не на особенностях отдельного рассматриваемого высказывания. С этим может быть связано и повышенное внимание к более формальным аспектам секвенции («Gestalt»). Однако есть еще одна причина, чтобы отдать предпочтение диахронической интерпретации перед синхронической. Имеется в виду представление о том, какую роль играет знание правил в процессе взаимодействия и интерпретации. Каков ее методологический статус? В какой мере в качестве источника интерпретации сам исследователь использует (что это так, не вызывает сомнений) знание правил? Как происходит довольно надежный выбор релевантной секвенции, если не с помощью основанного на компетенции интуитивного суждения? И какое другое объяснение можно дать, например, ожиданиям, связанным с высказыванием?

Я полагаю, что ответы на заданные вопросы зависят от той степени, в какой исследователь разделяет конструктивистское представление, ассоциирующиеся прежде всего с этнометодологией, т.е. принимает гипотезу, утверждающую что смысловые структуры полностью создаются акторами, участвующими во взаимодействии. Смысловые структуры изменчивы. Как следствие, акторов можно отделить от применяемых ими правил (правила – лишь инструменты, приспособления, которые можно использовать по-разному). Формулируя эту мысль по-другому, принимая эту гипотезу, следует признать, что участники взаимодействия сами создают смысловые структуры. Влияние КА на секвенциальный анализ подтверждается тенденцией, которая наблюдается в среде исследователей, а именно говорить о «правилах», «правах» и «обязанностях»¹ и полагаться в большей степени на «объективные» характеристики центрального высказывания или на реакции слушающего для того, чтобы

¹ Этот факт является характеристикой, например, «Лекций» Х. Сакса [17].

реконструировать смысл¹. Рассматриваемая в качестве гипотезы, эта конструктивистская идея может подтолкнуть к еще большей «осторожности», в частности, при отсылке к знанию правил, к коммуникативной компетенции, разделяемой акторами и исследователями. В этом смысле объективная герменевтика, к которой я теперь перехожу, занимает другую позицию.

4.2 Объективная герменевтика

Около 25 лет назад Ульрих Оверманн и его коллеги разработали эту методологию, которая в контексте качественных методологий названа довольно провокационно. Первоначально эта методология выросла из исследования о концепции взаимодействия при социализации [19]. С течением времени она развивалась, и область исследования, где она сейчас применяется, включает широкий круг социологических проблем: семья, закон, религия, профессии, организации, искусство (ср.: [20, S. 97]). Действительно, объективная герменевтика (ОГ) эксплицитно претендует на место общей парадигмы социологического исследования, т. е. методологии, подходящей в принципе для всех областей исследования, исследовательских вопросов и типов данных. Ядром объективной герменевтики выступает секвенциональный анализ. Хотя, так же как и в КА, в ОГ методологическое знание транслируется главным образом посредством «практического научения» (*Kunstlehre*), сторонники ОГ, в отличие от сторонников КА, склонны выделять основные этапы и максимы методологической процедуры [21; 22;

¹ Е.-А. Щеглофф [18, р. 173] рассматривает эту проблему в примечании, где он отмечает: «...это непонимание заключается в некоторых ”интерпретативистских“ и ”конструктивистских“ подходах, согласно которым в понимании слушающим некоего высказывания решающим является его значение, но вместе с тем в высказывании самом по себе нет ”объективного“ значения. Подобный взгляд (и его вклад в конверсационный анализ) понимается неправильно по многим причинам, однако ни одну из них в отдельности нельзя признать полным опровержением возможности выявления непонимания аналитическим путем...».

23; 24; 25]. Вероятно, это обстоятельство в наши дни отличает эту объективную герменевтику от ряда других немецких качественных методологий. С течением времени все больше исследователей заявляют об «ориентации» в своих исследованиях на ОГ.

В объективной герменевтике, как и в КА, смысловые структуры рассматривают как результат взаимодействия, но ОГ различает различные планы содержания во взаимодействии. При рассмотрении определенного высказывания, во-первых, есть значение, которым оно обладает независимо от специфического контекста его произнесения; во-вторых, есть значение высказывания, зависимое от контекста, т. е. то значение, которым обладает высказывание в особой цепочке взаимодействий; и, в-третьих, есть значение высказывания, значимое для самого актора [26]. Первые два из названных выше планов содержания играют ключевую роль при секвенциональном анализе, а значимость третьего плана содержания зависит больше от исследуемых тем (например, биографическое исследование). Ведущая к подобной дифференциации идея заключается (со структуралистской точки зрения) в том, что существуют общие смысловые структуры, которые аналитически предшествуют каждому конкретному взаимодействию. В процессе взаимодействия устанавливается связь с этими «объективно» данными смысловыми структурами. Таким образом, здесь налицо концепция, которая не отрицает полной власти смысловых структур над участниками процесса взаимодействия. В этой концепции «переменными» являются меняющиеся от секвенции к секвенции селективные характеристики структуры взаимодействия, а не предшествующие смысловые структуры, с которыми соотносится избирательность. Это имеет отношение к статусу смысловых структур – представлять собой конститутивные правила¹.

¹ В статусе конститутивных правил [27] они не воспринимаются как «приспособления» или «инструменты», так как аналитически регулируемые ими проблемы суть также их часть.

Обобщая сказанное, мы, чтобы реконструировать секвенциальную структуру взаимодействия как структуру случая, должны принять во внимание два параметра [24, S. 64; 28, S. 283]. Параметр I включает в себе все правила, генерирующие смыслы, которые в каждой позиции в границах секвенции открывают определенное место для действия. Самые важные – это фонетические, синтаксические, семантические и прагматические правила, имплицитное знание о которых приобретает в процессе социализации. Это знание, или компетенция в области правил, должно быть присуще всем членам общества. Это знание функционирует в практиках/взаимодействиях, а также используется в процессе секвенционального анализа. Можно сказать, что это – мостик между актором и исследователем.

Параметр II заключается в селективности решений актора, помогающей заполнить свободное место для каждой позиции в секвенции. Сами акторы зачастую не осознают, что они принимают эти решения (как обычно бывает в случаях кризисных ситуаций), чаще всего эти решения остаются незамеченными в процессе говорения и взаимодействия. Далее утверждается, что способ, согласно которому акторы действуют избирательно, не случаен. Скорее этот способ можно вывести из специфического, реконструируемого паттерна, который можно рассматривать как генеративную структуру. Далее, эта структура не есть результат только индивидуальной деятельности, она, так сказать, не «изобретение» акторов. Наоборот, она имеет отношение к целому набору положений (например, ценностям, социальным нормам, классовым габитусам), которые в каком-то смысле «растворены» в решениях актора. Касательно воспроизведения селективного паттерна, объективная герменевтика говорит о «законе структуры случая» (*Fallstrukturgesetzlichkeit*). Это не означает, что акторы не способны выходить за рамки воспроизведения: всегда остается возможность трансформации, и каждая секвенциальная реконструкция случая в принципе должна намечать возможные пределы для трансформации.

Эти методологические посылки уже указывают на то, что случай в объективной герменевтике рассматривается иначе чем в КА. Если говорить об элементах случая, можно отметить, что в объективной герменевтике сильнее акцентируется такой элемент, как «актор». Но все же самое главное здесь – селективные практики актора, как они представлены в данных. Для ОГ интерес представляет не только структура случая, понимаемая таким образом [12; 29]. Как и для КА, для объективной герменевтики «X» или «теория», которой соответствует случай, выступает паттерном, выходящим за границы конкретного случая, но немного в другом смысле. То, что ОГ пытается реконструировать, это общие паттерны социальной практики, понимаемые как способы решения общих проблем действий. Например, интересно не только то, каким образом родители взаимодействуют со своими детьми, но и насколько эта конкретная структура интеракции информативна по отношению к общим структурам семейных взаимоотношений. Интересна реконструкция не только взаимодействия конкретного врача со своими пациентами, но и общих структур терапевтических действий специалистов. В этом смысле, реконструкции случаев рассматриваются как «образцовые».

В объективной герменевтике, как и в КА, подобные попытки поднимают методологические вопросы: каким образом и когда вводится понятие проблемы действия? Позже я вернусь к этой проблеме. Сначала рассмотрим основные процедуры секвенциального анализа в объективной герменевтике. Чтобы начать анализ – при наличии конкретного транскрипта взаимодействия и заданного типа данных – следует в качестве точки отсчета выбрать одно высказывание (желательно в начале взаимодействия). Первым шагом станет объяснение так называемой объективной смысловой структуры высказывания, т.е. его значения безотносительно к контексту произнесения. Таким образом, вы анализируете – особенно на начальном этапе – как будто не имея никакого представления о реальном контексте высказываний. Идея заключается в том, что

общие правила прагматики привязывают высказывания к определенным контекстам. Используя компетенцию в области правил, которыми обладают акторы и наблюдатели в качестве носителей языка, вполне возможно спроектировать ряд ситуативных контекстов, в которые, вероятно, впишется рассматриваемое конкретное высказывание. Можно сказать, что смысл высказывания заключается в структурных особенностях тех контекстов, благодаря которым это высказывание «правильно построено». Несмотря на то что высказывания могут использоваться в широком ряду контекстов, количество типов этих контекстов ограничено. Контексты эти также разворачиваются поэтапно.

Итак, начнем с того, что соберем короткие «истории», где присутствует данное высказывание. Истории должны быть максимально приближены к реальности. К примеру, в транскрипте у вас имеется вопрос: «Где ты был?»¹ Вы придумываете истории, например, такую: школьный класс в музее. Учитель спрашивает одного из учеников, вышедшего из другого зала и подошедшего к своей группе: «Где ты был?» Согласно интуитивному, основанному на компетенции, суждению носителя языка, это высказывание в данном контексте построено верно, или грамматически правильно. Для того чтобы охватить всю область контекстов, наша коллекция должна включать в себя как можно более отличающиеся друг от друга истории, т.е. даже такие истории, которые на первый взгляд маловероятны, но тем не менее построены правильно. Следующий шаг – нужно выяснить, какие именно общие типы контекстов представлены в коллекции, и постепенно раскрывать структурные особенности типов, которые значимы для взаимодействия (например, в отношении между говорящим и реципиентом). Так же как и в КА тщательному рассмотрению подлежит то, что подразумевается высказываниями. В приведенном выше примере вопрос: «Где ты был?» – подразумевает, что реципиент должен был находиться

¹ Данное короткое высказывание можно найти в: [30].

там, или по крайней мере говорящий должен был знать, что реципиент находился не там, где должен быть, и в целом – заявляет о своем праве это знать. И это право основывается на договоре о сотрудничестве, который может быть специфичным (для коллег, учителей и детей) или диффузным (для членов семьи).

Эти объективные характеристики до настоящего времени не включали в себя никакой информации, характерной для случая¹. Но как раз следующим шагом будет сопоставление с реальным ситуативным контекстом. Эта процедура может быть более или менее полезной. В нашем примере информация о том, что именно жена задает этот вопрос мужу, пришедшему домой поздно вечером, не слишком полезна, так как это соответствует рассматриваемому типу контекста (семья). Далее в ходе анализа выявляются возможные варианты для дальнейшего обмена репликами во взаимодействии в пределах ситуативного контекста. В нашем случае муж мог объяснить или назвать причину, или сказать, что он еще утром предупредил жену, где он будет. Анализ продолжается при помощи сопоставления с реально выбранной репликой, в нашем случае «Это не твоё дело, женщина». Здесь мы наблюдаем отклонение от ожидаемых реакций: муж отрицает имплицитное требование, заключенное в вопросе, примечательным способом, который служит индикатором серьезного конфликта в отношениях. Не будем, однако, вдаваться в подробности интерпретации. Задача состоит в том, чтобы разработать первоначальную гипотезу о структуре интеракции, а в нашем случае – о структуре данного конфликта. В свою очередь, эту гипотезу следует разрабатывать, применяя в принципе те же процедуры: объясняя свободное пространство,

¹ Следует отметить, что в качестве побочного продукта объяснения структуры объективного смысла можно получить информацию об общем контексте взаимодействия. В нашем примере он принимает вид структурных особенностей семейных отношений, о которых вы ранее могли не знать: взаимные претензии на распоряжение временем другого члена вашей семьи.

открываемое объективными смысловыми структурами, и сопоставляя эти структуры с реально выбранными вариантами. Различие в том, что, следуя направлению развития взаимодействия, мы постепенно принимаем во внимание реальный ситуативный контекст и, так же как и в КА, «внутренний контекст» анализируемой секвенции. Таким образом, мы кумулятивным путем вырабатываем гипотезу о выборочной модели, которая служит характеристикой структуры взаимодействия.

Этот процесс отчасти похож на процедуры при КА, однако есть и отличия. Интерпретация также в мельчайших деталях следует ходу развития взаимодействия, но в принципе – в рамках единичной процедуры. Конечно, в процессе реального исследования интерпретация продумывается снова и снова, чтобы убедиться в её правильности, но в ОГ нет такой процедуры – работа над одним и тем же материалом по «циклам» и концентрация внимания на разных аспектах. Другое отличие заключается в том, что в ОГ, так сказать, преднамеренно, с самого начала компетенция-в-области-правил используется в качестве ресурса. И, таким образом, объективная герменевтика не уделяет большого внимания выработке гипотезы о структуре взаимодействия. Наоборот, здесь акцент делается на сильные гипотезы перед началом анализа, гипотезы, которые могут быть проверены, модифицированы или даже отвергнуты в ходе секвенциального анализа.

Наконец, существуют различия во введении представлений о проблеме действия – второй тип неспецифического для случая знания. В отличие от некоторых других качественных методологий, объективная герменевтика не отказывается от выработки законченного исследовательского вопроса¹. В такую разработку

¹ В качественных исследованиях существует тенденция рекомендовать достаточно неопределенный исследовательский вопрос, чтобы избежать риска отнесения данных к предвзятым теоретическим концептам [16, S. 20; 31, S. 22]. Но, как следствие, эта тенденция приводит к тому, что становится труднее отнести

обычно включаются общие предпосылки о рассматриваемой проблеме действия. Эти концепты эвристичны для секвенциальной интерпретации. Иногда даже обоснованные теории, например теория профессионализации [20, 32; 33; 34; 35], используются для иллюстрации характеристик, реконструированных с помощью секвенционального анализа. Эвристическая функция особенно важна, когда дело касается реконструкции того индивидуального (*Besondere*) и того общего (*Allgemeine*), репрезентацией которых является случай. В этом отношении нужно принимать во внимание не только конкретный ситуативный контекст высказывания, но и его более общие аспекты. Следует не только мысленно возвращаться к тому обстоятельству, что высказывание было произнесено во взаимодействии «доктор–пациент», но также к тому, каковы общие проблемы действия в этом отношении или какими они могли бы быть. Так, во-первых, мы, возможно, сможем проанализировать взаимодействие как специфический способ решения общих проблем профессионального действия, а во-вторых, у нас появится шанс проанализировать данный институциональный договор в качестве одного из вероятных соглашений. Это не является категоризацией до тех пор, пока мы используем теоретические концепты эвристически¹ и до тех пор, пока мы сначала объясняем структурные особенности высказывания/взаимодействия безотносительно к контексту. Несмотря на ведущую роль объективной герменевтики в исследовательских практиках, в ней до сих пор нет четких методологических правил для разработки таких концептов, внедрения их в секвенциальный анализ и дальнейшей работы над

реконструкцию случая к существующим теоретическим концептам и внести вклад в кумулятивное развитие теорий. Объективная герменевтика, наоборот, предпочитает опираться на описанные методические средства для дальнейшего развития теоретических концепций при реконструкции случаев.

¹ Другое дело, что не все социологические теории обладают такой «эвристической силой».

ними¹. Вероятно, эти соображения созвучны критике этого подхода, утверждающей, что анализ случаев в ОГ нужен только для иллюстрации заданных абстрактных теорий.

4.3. Герменевтическая социология знания

Перейдем теперь к герменевтической социологии знания. Нет необходимости напоминать ее теоретические основания и долгую традицию. Особенность ситуации в Германии заключается в том, что – благодаря Хансу-Георгу Зёфнеру, Рональду Хитцлеру и другим исследователям – уже десять лет мы наблюдаем самопредставление социологии знания исключительно в герменевтических терминах. Герменевтическая социология знания широко практикуется в сфере социологии, в центре внимания которой культурологическая проблематика [4; 36; 37; 38]. Важную роль в развитии этой социологии играет критика объективной герменевтики. Действительно, введение в ключевой публикации [36] однозначно характеризует герменевтическую социологию знания в ее сопоставлении с объективной герменевтикой (ср. также: [39]). В герменевтической социологии знания существуют несколько аспектов, общих с объективной герменевтикой или у нее заимствованных, например, важность секвенциального анализа и некоторых его максим, требование «объективности» (по крайней мере в том смысле, что интерпретации могут быть проверены любым исследователем), обращение к объективно эффективным правилам взаимодействия или концентрация внимания на латентных смысловых структурах, которые подлежат реконструкции.

Что герменевтическая социология знания противопоставляет объективной герменевтике? Это, если сказать обобщенно, настаивание на определенной целостности, или единстве, процесса понимания (*Verstehen*) в повседневном взаимодействии. Есть несколько аспектов этой целостности. Что касается методологическо-

¹ Такие действия предлагаются в: [33].

го статуса данных, то здесь герменевтическая социология знания настаивает на том, что исходный «пласт» смысла, ключевая точка интерпретации теряется в процессе репродукции текста. Теряются единство восприятия, чувств и опыта акторов, фактическое взаимное предположение субъективности и замысла, реальная обстановка и представляемая актерами перспектива. Со стороны актора целостность его восприятия, чувств и опыта трансформируется в лингвистические формы, индивидуальный опыт – в коллективные семантические типы. Это единство смысла, присутствовавшее непосредственно во время истинного взаимодействия, не может быть найдено в принципе в транскриптах взаимодействия. Согласно герменевтической социологии знания, существует в принципе непреодолимый разрыв между процессом реконструкции и тем, что реконструируется (см.: [40]).

Тем не менее, поскольку в социологическом исследовании ключевым является реальное взаимодействие, методическая интерпретация должна быть к нему как можно ближе. Как следствие, в некотором отношении единство как методическая максима выступает характеристикой герменевтической социологии знания. Например, существует единство относительно интерпретаций акторов и исследователей. Несмотря на то что между ними есть отличия, прежде всего со стороны исследователя, который «отстранен от действия» (*handlungsentlastet*), в качестве максимы существует единство понимания и интерпретации, такое как *Deutung*. Другими словами, интерпретация должна, насколько это возможно, учитывать и следовать структурам процесса понимания в ежедневных практиках. Также существует единство в отношении взаимодействий и их более широкого контекста. Секвенции взаимодействия отображают связность действий, в которых каждое индивидуальное высказывание всегда соотносится с рамкой действия как с целым. Интерпретатор, интерпретация и объекты интерпретации укоренены в окружении, прошлом и обществах. Так, анализ должен учитывать и реконструировать

символическое «целое» человеческих форм действия, направленности и знания.

Как можно охарактеризовать перспективу случая в герменевтической социологии знания при помощи элементов случая, описанных в третьем параграфе? Прежде всего, как и в КА, важную роль здесь играет элемент «актор». Однако в данном случае анализируются не только выборочные практические действия актора, но прежде всего его или ее интенциональность, его или ее действия как наделенные неким смыслом. Эта интенциональность может быть сформулирована лишь приблизительно, при помощи процессов идеализации и типизации, описанных Шюцем. Проблемы действия рассматриваются в анализе как часть взаимно предполагаемого определения ситуации. Так как «субъективный смысл» понимается как укорененный в более широком контексте и может быть реконструирован только путем обращения к нему, то, к чему относится случай, это одновременно и индивидуальная практика/практика интерпретации, и то «целое», в котором случай укоренен, и к этому целому особенно относятся понятия «окружающая среда» и «жизненный мир». Элемент «теория» аналогично относится одновременно и к индивидуальной практике/практике интерпретации, и к «целому», в котором элемент «теория» укоренен («окружающая среда», «жизненный мир»).

Смысл этих методологических установок для секвенциального анализа понять непросто. Редко можно встретить обстоятельные схемы и подробные презентации секвенциального анализа в эмпирических исследованиях. Но следует признать, что подобная холистская точка зрения трудно поддается секвенциональному анализу, который есть методологическая попытка деконструкции и реконструкции. Более того, мне кажется, для данной процедуры нежелательно обращение к субъективной перспективе – мнению Шюца о знании правил, которое сохраняет открытой дистанцию между ежедневными взаимодействиями и их реконструкцией, при этом укорененная среда определенно концептуализируется

как нечто внетекстовое и потому не подлежащее процедуре секвенциального анализа. Вероятно, поэтому некоторые исследователи, придерживающиеся герменевтической социологии знания, предпочитают этнографический подход [41; 42]. Тем не менее секвенциальный анализ рассматривается как основной метод этого подхода [39, para. 26], и не только по отношению к письменным текстам [43]. Для того чтобы проиллюстрировать это, я обращусь к обстоятельному и детальному примеру Зёфнера [38] (см. о методологической концепции: [40]).

В качестве исходной в этом образцовом анализе (он показателен главным образом в методологическом отношении) выбрана секвенция длиной в 10 строк, взятая из биографического интервью молодой матери примерно на 60 страницах. В данной секвенции она делится своими мыслями о семейной жизни, о прошлых надеждах и дает оценку своему настоящему положению. Эта секвенция была выбрана потому, что отчасти она иллюстрирует центральный лейтмотив всего интервью, и отчасти из-за некоторых несоответствий в интервью, требующих интерпретации [38, S. 217]. Перед этим Зёфнер разъясняет, что только из практических соображений он воздержится от анализа внутреннего контекста секвенции, включающего вопрос интервьюера, который предшествует ответному монологу.

Сразу же можно заметить первое отличие от объективной герменевтики: интерпретация не ограничивается рамками однократной процедуры, здесь секвенция скорее анализируется явным образом в три «цикла». Каждый цикл предполагает аналитически отчетливую перспективу взаимодействия. Идея заключается в том, что на протяжении трех циклов интерпретация отражает определенные аспекты ежедневной интерпретации, соотносимые со следующими характеристиками: приписывание смысла (*Sinnzumessung*), проверка смысла (*Sinnüberprüfung*) и вывод о смысле (*Sinnschliessung*). Кумулятивное развитие в процессе интерпретации заключается не столько в секвенциальном анализе,

сколько в использовании различных перспектив применительно к секвенции.

Первый цикл связан с «субъективной перспективой» актора/интервьюируемого, которая понимается не как действительная, а как «идеализированная» перспектива. Посредством такого подхода, как «герменевтика повседневности» (*Alltagshermeneutik*) в процессе интерпретации делается попытка реконструировать устойчивую модель представления индивида о себе, демонстрируемую посредством текста. Интерпретирующий полагается на свою компетенцию, которой он пользуется в ежедневном взаимодействии для целей самопрезентации и самоинтерпретации.

Шюцевские мотивы цели и причины здесь важны, так как именно с их помощью генерируются устойчивые модели представления о себе. Интерпретация начинается с секвенциального развертывания семантических импликаций высказываний, таким образом формулируя высказывания говорящего. Эти высказывания не идентичны тому, что действительно сказано, а предстают развернутыми версиями того, что могло быть сказано, судя по тексту. После этого, говоря по-другому, установлены релевантные мотивы цели и причины. Первый цикл этой подробной интерпретации (*Feinanalyse*) заканчивается тем, что анализируется связь этих мотивов. В нашем примере единство смысла субъективной перспективы демонстрируется коротким, но связным утверждением, которое сравнимо с текстом: «Те области, в которых я хотела реализовать себя, – семья и семейная жизнь, – в реальности меня раздавили, они сделали меня зависимой и беспомощной». («Die Familie, das Familienleben, innerhalb derer ich den Freiraum für meine Selbstverwirklichung gesucht habe, hat mich in Wirklichkeit eingezwängt und unfrei und hilflos gemacht.»)

На втором этапе внимание сосредотачивается на перспективе взаимодействия. Высказывания рассматриваются здесь как нечто, подлежащее интерпретации партнерами по взаимодействию, что делает их прежде всего устойчивыми. В повседневном взаимодей-

ствии, если появляются несоответствия, партнеры могут обратиться к репертуару взаимодействия (вопросы, предложения в процессе взаимодействия и т.д.) для восстановления или переформулирования пропущенного. Разумеется, у исследователя такой возможности нет, но он может виртуально принять эту перспективу – не «сглаживать» несоответствия, как это обычно происходит в повседневном взаимодействии, а воспринимать их в качестве «виртуальных предложений» во взаимодействии (*Interaktionsangebote*) и соответствующе их интерпретировать. Структурные характеристики этих несоответствий разрабатываются с помощью возвращения к тому, что понимается как объективный (или интересубъективный) смысл высказываний. В настоящем анализе устанавливаются, во-первых, две структурные характеристики, специфичные для всей секвенции-«*Gestalt*»: особая темпоральная структура нарратива и движение от «Я» к «некто». Во-вторых, эти характеристики связаны с темами «взаимодействие» и «идентичность» и разрабатываются дальше, чтобы сформулировать гипотезу: для говорящей семейная жизнь – это не сфера взаимодействия нескольких индивидуумов, но главным образом контекст для «преодоления испытаний» индивидуумом (*Bewahrung*).

Наконец, в третьем цикле используется теоретическая перспектива взаимодействия. Задача состоит в том, чтобы прийти к тому «единству» смысла на уровне взаимодействия, которое объединяет его участников. Методологически это означает реконструкцию типизации ситуации и взаимодействия, которое все участники имплицитно предполагают как общую для них, и интересубъективного латентного смысла этой типизации. Цель данного этапа – найти объяснительную гипотезу, которая объединит находки предыдущих циклов интерпретации, – как «субъективный смысл», так и ассоциируемые с ним несоответствия и структурные характеристики. Вкратце, это будет выглядеть следующим образом: в действительности страдания женщины суть следствие её навязчивых идеалистических представлений. Интерпретация

продвигается постепенно от конкретной секвенции путем развития гипотез, учитывающих более широкий биографический контекст, гипотез, которые далее разрабатываются с обращением к другим отрывкам интервью.

В ходе этого показательного анализа можно выделить основное различие между КА, ОГ и герменевтической социологией знания, то различие, которое становится особенно важным в первом цикле интерпретации. Оно касается проблемы «трансформирования» практической операции – принятие перспективы говорящего в методологически контролируруемую процедуру. Несмотря на существенное расхождение между «первоначальной сценой действия» и транскриптом, интенциональность актора, как она выражается, можно обнаружить в лингвистических выражениях, которые «так или иначе навязываются интерпретатору» [40, S. 44]. Каким же образом осуществляются последовательные шаги при конструировании связного, intersубъективно проверяемого «суждения»? Я имею в виду не столь очевидное различие, заключающееся в том, что принятие субъективной перспективы здесь не просто важный, но первый и основной шаг в процессе интерпретации. Возможно, более важно, что, судя по приведенному выше примеру, реконструкция «субъективной перспективы» функционирует только при условии ограничения интерпретации семантическими и логическими характеристиками текста. В этом цикле анализа по крайней мере нет прагматической интерпретации; здесь нет реконструкций структурных особенностей высказывания относительно возможных контекстов его использования.

5. Заключение

Сопоставление трех основных парадигм качественных исследований в Германии может выявить различия в использовании секвенциального анализа. Эти различия сопоставимы с различными перспективами рассмотрения случая, которые в свою очередь

соотносятся с различными теоретическими положениями. Эти различия схематично представлены в табл. 1.

На теоретическом уровне в качестве ключевого понятия выступают различные представления о том, что можно определить как различие между «компетенцией» и «практикой». В зависимости от исходных теоретических положений варьируются представления о том, что акторы обычно приносят во взаимодействие, и каков «специфический вклад» или «исполнение» акторов в процессе взаимодействия, и в свою очередь, каков «результат» взаимодействия. Необходимо, разумеется, продолжать дискуссии по этим «глубоким» теоретическим вопросам, но только теоретический дискурс может привести нас к тому, что, подчеркнув различия, мы вновь обратимся к базовым теоретическим «решениям». Исходя из представленных в статье авторских размышлений по этому поводу, кажется, что наиболее продуктивным было бы сосредоточиться на методических аспектах и обратиться к тому, что было определено нами как «рабочий консенсус секвенциального анализа». Таким образом, секвенциальный анализ станет опорным понятием для дискуссии. В этом случае предполагаемое деление теоретических проблем становится тем общим, что объединяет парадигмы: общие методические проблемы, которые нужно решить.

В контексте секвенциального анализа понятия «компетенция» и «практика» относятся к неспецифическим для случая аспектам, которые нужны для его реконструкции¹. Продолжаются дискуссии о том, что обращение к интуитивным, основанным на компетенции суждениям об адекватности необходимо и в той или иной степени всегда используется как средство для определения смысловой

¹ Говорить о «неспецифических для случая» аспектах или знании думаю ошибочно, так как эти аспекты, возможно, играют определенную роль в конкретных взаимодействиях, а отсюда они представлены и в каждом отдельном случае. Но с методической точки зрения они не становятся средоточием внимания, а используются в качестве средства для анализа данных, которые, вероятно, не специфичны для конкретного взаимодействия.

Таблица 1

ОБЗОР РАЗЛИЧИЙ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ СЕКВЕНЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА

	Конверсионный анализ (КА)	Объективная герменевтика	Герменевтическая социология знания
Секвенция	Секвенция-Gestalt (зна- чимая единица взаимосвя- занных действий)	Поток взаимодей- ствий	Поток взаимодействий (единство значения)
Процедура	Разные «циклы»/ раз- личные аспекты	Одна (секвенциаль- ная) процедура	Три цикла (по одному признаку, по множе- ству признаков, теория взаимодействия)
Направленность на актора Действие, рассматривае- мое прежде всего как Смысловые структуры	Низкая Решение проблем ком- муникации Во взаимодействии	Средняя Решение проблем действия	Высокая Решение проблем ин- терпретации
Отсылка к знанию правил	«Осторожная»	Объективные/ во взаимодействии	Холлистские
«Теория»	Общие структуры ком- муникации	«Намеренная»	«Осторожная» (семанти- ческая – под вопросом)
Концептуализация про- блемы действия (инте- грация с секвенциальным анализом)	Низкая (методология отсутствует)	Структура случая/ общие структуры практики	Структура случая/ среды
		Высокая (методоло- гия отсутствует)	Средняя (частично определена ситуация; методология отсут- ствует)

структуры высказывания/действия. То же самое справедливо при обращении к общим моделям проблем действий, которые важны для взаимодействия. По крайней мере, когда вы заняты анализом взаимодействия в институциональных учреждениях, как, например, профессиональное действие, важно иметь общее представление о проблемах действия (заболевание, закон, специфические конфликты и т.д.) для того, чтобы определить тот выбранный способ, с помощью которого случай справляется с этими проблемами.

Методические проблемы, связанные с компетенцией, можно определить с помощью вопросов, на которые необходимо ответить, например: в какой мере мы, как исследователи, можем положиться на компетенции, которые мы (например, в качестве носителей языка), вероятно, разделяем с акторами, чьи действия мы анализируем? Или, другими словами, в какой степени общие компетенции могут сблизить актора и исследователя? Каким образом мы эксплицируем выраженное имплицитно в этих суждениях? Когда нам следует применять эти экспликации в секвенциальном анализе, какие процедуры использовать? Какой вид знания можно рассматривать в качестве явлений компетенции – имплицитное знание правил и норм, повседневное знание или что-то ещё? Что если мы разделяем не все компетенции с акторами, чьи действия мы анализируем? Что может служить в этих случаях методическим субститутом (например, анализ среды или жизненного мира), и как мы можем прийти к нему и использовать его, не жертвуя при этом результатами и потенциалом секвенциального анализа? К большинству из заданных здесь вопросов можно найти более или менее имплицитные ответы в рассмотренных выше парадигмах. На мой взгляд, задача на будущее – более эксплицитно сформулировать вопросы и более тесно увязать их с конкретными процедурами при анализе случаев.

Понятие «практика», рассматриваемое как решение общих проблем действия, вероятно, куда более насущно, так как до сих пор ни одна из парадигм не разработала в связи с этим никакой, даже имплицитной методологии. Вопросы, на которые нужно дать ответы:

каким образом мы приходим к общим моделям проблем действия? Это просто вопрос адаптации тех теоретических разработок, которые можно найти в литературе, или это следует воспринимать как отдельный шаг, отдельную фазу анализа? Как мы можем убедиться, что эта модель способна выполнять эвристическую функцию, т. е. обеспечивать продуктивную работу при реконструкции случаев и в то же время остаться открытой для дальнейшей разработки? Каким образом такую модель следует интегрировать в секвенциальный анализ? Каков ее методологический статус? Если предположить, что такие модели – в терминах объективной герменевтики – не принадлежат ни к области «Параметра I», ни к области «Параметра II», как ещё можно рассматривать их значение для структурирования социальной практики? Поиски ответов на подобные вопросы – это в том числе и огромный потенциал для дальнейшего развития секвенциального анализа, а также для укрепления рабочего консенсуса между различными парадигмами.

Благодарности

Автор благодарит Андреаса Вернета и Фердинанда Зуттерлюти за комментарии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hauptbegriffe Qualitativer Sozialforschung / Hg. R. Bohnsack, W. Marotzki, M. Meuser. Opladen: Leske+Budrich, 2003.
2. Sozialwissenschaftliche Hermeneutik. Eine Einführung / Hg. R. Hitzler, A. Honer. Opladen: Leske+Budrich, 1997.
3. *Oevermann U.* Die objektive Hermeneutik als unverzichtbare methodologische Grundlage für die Analyse von Subjektivität. Zugleich eine Kritik der Tiefenhermeneutik // «Wirklichkeit» im Deutungsprozeß: Verstehen und Methoden in den Kultur- und Sozialwissenschaften / Hg. T. Jung, S. Müller-Doohm. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1993. S. 106–189.
4. *Hitzler R., Honer A.* Einleitung: Hermeneutik in der deutschsprachigen Soziologie heute // Sozialwissenschaftliche Hermeneutik. Eine Einführung / Hg. R. Hitzler, A. Honer. Opladen: Leske+Budrich, 1997. S. 7–27.

5. What is a Case? Exploring the Foundations of Social Inquiry / Hg. Ch. Ragin, H. Becker. Cambridge: Cambridge UP, 1992.
6. *Flick U.* Konstruktion und Rekonstruktion. Methodologische Überlegungen zur Fallrekonstruktion // Die Fallrekonstruktion. Sinnverstehen in der sozialwissenschaftlichen Forschung / Hg. K. Kraimer. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2000. S. 179–200.
7. Die Fallrekonstruktion. Sinnverstehen in der sozialwissenschaftlichen Forschung / Hg. K. Kraimer. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2000.
8. *Bergmann J. R.* Klatsch. Zur Sozialform der diskreten Indiskretion. Berlin: de Gruyter, 1987.
9. *Knoblauch H., Luckmann T.* Gattungsanalyse // Qualitative Forschung. Ein Handbuch / Hg. U. Flick, E. von Kardorff, I. Steinke. Reinbek: Rowohlt, 2000. S. 538–546.
10. *Wolff S., Müller H.* Ironie als Instrument der «Wahrheitsfindung» // Zeitschrift für Soziologie. 1995. 24(6). S. 451–464.
11. *Wolff S., Müller H.* Kompetente Skepsis. Eine konversationsanalytische Untersuchung zur Glaubwürdigkeit in Strafverfahren. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997.
12. *Bergmann J. R.* Flüchtigkeit und methodische Fixierung sozialer Wirklichkeit. Aufzeichnungen als Daten der interpretativen Soziologie // Entzauberte Wissenschaft. Soziale Welt, Sonderband 3 / Hg. W. Bonß, H. Hartmann. Göttingen: Schwartz, 1985. S. 299–320.
13. *Knauth B., Wolff S.* Zur Fruchtbarkeit der Konversationsanalyse für die Untersuchung schriftlicher Texte // Zeitschrift für Soziologie. 1991. 20. S. 36–49.
14. *Wolff S.* Text und Schuld. Die Rhetorik psychiatrischer Gerichtsgutachten. Berlin: de Gruyter, 1995.
15. *Have P.* Doing Conversation Analysis. A Practical Guide. London: Sage, 1999.
16. *Deppermann A.* Gespräche analysieren. Eine Einführung in konversationsanalytische Methoden. Opladen: Leske+Budrich, 1999.
17. *Sacks H.* Lectures on Conversation. Vol. I, II / Ed. G. Jefferson. Oxford: Blackwell, 1996.
18. *Schegloff E. A.* Confirming Allusions. Toward an Empirical Account of Action // American Journal of Sociology. 1996. Vol. 102(1). P. 161–216.
19. *Oevermann U., Allert T., Konau E., Krambeck J.* Die Methodologie einer «objektiven Hermeneutik» und ihre allgemeine forschungslogische Bedeutung in den Sozialwissenschaften // Interpretative Verfahren in den Sozial- und Textwissenschaften / Hg. H.-G. Soeffner. Stuttgart: Metzler, 1979. S. 352-433.
20. *Wernet A.* Pädagogische Permissivität. Schulische Sozialisation und pädagogisches Handeln jenseits der Professionalisierungsfrage. Opladen: Leske+Budrich, 2003.
21. *Oevermann U.* Fallrekonstruktion und Strukturgeneralisierung. 1981 [online]. URL: <http://www.user.uni-frankfurt.de/~hermeneu/index.htm> (дата обращения: 13.09.2005).

22. *Oevermann U.* Struktureigenschaften supervisorischer Praxis. Exemplarische Analyse des Sitzungsprotokolls der Supervision eines psychoanalytisch orientierten Therapieteams im Methodenmodell der objektiven Hermeneutik // *Therapeutische Teams. Theorie – Empirie – Klinik* / Hg. B. Bardé, D. Mattke. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1993. S. 141–269.

23. *Oevermann U.* Strukturelle Soziologie und Rekonstruktionsmethodologie // *Ansichten der Gesellschaft* / Hg. W. Glatzer. Opladen: Leske+Budrich, 1999. S. 72–85.

24. *Oevermann U.* Die Methode der Fallrekonstruktion in der Grundlagenforschung sowie der klinischen und pädagogischen Praxis // *Die Fallrekonstruktion. Sinnverstehen in der sozialwissenschaftlichen Forschung* / Hg. K. Kraimer. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2000. S. 58–156.

25. *Wernet A.* Einführung in die Interpretationstechnik der Objektiven Hermeneutik. Opladen: Leske+Budrich, 2000.

26. *Maiwald K.-O.* Regel, Fallstruktur und Selbstbild: Zur «subjektiven Perspektive» in der Objektiven Hermeneutik // *Grenzenlose Gesellschaft?* / Hg. H. Schwengel. 29. Kongress der Deutschen Gesellschaft für Soziologie (...) Freiburg im Breisgau. 1998. Pfaffenweiler: Centaurus, 1999. Bd. II/1. S. 704–706.

27. *Searle J. R.* Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1971.

28. *Oevermann U.* Genetischer Strukturalismus und das sozialwissenschaftliche Problem der Erklärung der Entstehung des Neuen // *Jenseits der Utopie* / Hg. S. Müller-Doohm. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1991. S. 267–336.

29. *Willems H.* Goffmans qualitative Sozialforschung. Ein Vergleich mit Konversationsanalyse und Strukturaler Hermeneutik // *Zeitschrift für Soziologie.* 1996. 25(6). S. 438–455.

30. *Schneider W. L.* Objektive Hermeneutik als Forschungsmethode der Systemtheorie // *Soziale Systeme.* 1995. 1(1). S. 129–152.

31. *Froschauer U., Lueger M.* Das qualitative Interview. Vienna: WUV-Universitätsverlag, 2003.

32. *Maiwald K.-O.* Die Herstellung von Recht. Eine exemplarische Analyse zur Professionalisierungsgeschichte der Rechtsprechung am Beispiel Preußens im Ausgang des 18. Jahrhunderts. Berlin: Duncker & Humblot, 1997.

33. *Maiwald K.-O.* Professionalisierung im modernen Berufssystem. Das Beispiel der Familienmediation. Wiesbaden: VS Verlag, 2004.

34. *Wernet A.* Professioneller Habitus im Recht. Untersuchungen zur Professionalisierungsbedürftigkeit der Strafrechtspflege und zum Professionshabitus von Strafverteidigern. Berlin: edition sigma, 1997.

35. *Die Verwaltung des Sozialen. Formen der subjektiven Bewältigung eines Strukturkonflikts* / Hg. E. M. Harrach, T. Loer, O. Schmidtke. Konstanz: UVK, 2000.

36. *Interpretative Sozialforschung. Auf dem Weg zu einer hermeneutischen Wissenssoziologie* / Hg. N. Schröer. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994.

37. Hermeneutische Wissenssoziologie. Standpunkte zur Theorie der Interpretation / Hg. R. Hitzler, J. Reichertz, N. Schröer. Konstanz: UVK, 1999.

38. *Soeffner H.-G.* Überlegungen zur sozialwissenschaftlichen Hermeneutik am Beispiel der Interpretation eines Textausschnittes aus einem «freien» Interview // Soeffner H.-G. Auslegung des Alltags – Der Alltag der Auslegung. 2nd edition. Konstanz: UVK, 2004. S. 210–238.

39. *Reichertz J.* Das Handlungsrepertoire von Gesellschaften erweitern. Hans-Georg Soeffner im Gespräch mit Jo Reichertz [65 paragraphs] // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2004. 5(3). Art. 29 [on-line]. URL: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-04/04-3-29-d.htm> (дата обращения: 13.09. 2005).

40. *Soeffner H.-G., Hitzler R.* Hermeneutik als Haltung und Handlung // Interpretative Sozialforschung. Auf dem Weg zu einer hermeneutischen Wissenssoziologie / Hg. N. Schröer. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994. S. 28–54.

41. *Hitzler R., Eberle T.* Phänomenologische Lebensweltanalyse // Qualitative Forschung. Ein Handbuch / Hg. U. Flick, E. von Kardorff, I. Steinke. Reinbek: Rowohlt, 2000. S. 109–118.

42. *Honer A.* Lebensweltanalyse in der Ethnographie // Qualitative Forschung. Ein Handbuch / Hg. U. Flick, E. von Kardorff, I. Steinke. Reinbek: Rowohlt, 2000. S. 194–204.

43. *Knoblauch H.* Die Video-Interaktions-Analyse // Sozialer Sinn. Zeitschrift für hermeneutische Sozialforschung. 2004. 1. S. 123–138.